

Наконец, спасибо многочисленным читателям, которые поддерживали меня, делая возможным все остальное. В особенности спасибо тем, кто нашел время и энергию, чтобы прислать мне ободряющие замечания, оставить отзывы либо иным образом выйти на связь. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю: всякий раз, когда у человека возникает желание сказать что-то позитивное другому человеку, это следует сделать. Многие мудрые читатели, похоже, осознали это давно, но вы должны меня простить — я всегда созрел поздно.

Надеюсь, что вам понравилось это продолжение саги, и что это письмо застанет вас в добром здравии. Надеюсь предоставить вам гораздо больше.

— Ричард

P. S. Приношу извинения тем, кем я пренебрег и кого неизбежно упустил. Пожалуйста, в будущем не упустите возможности пристыдить или пожурить меня ради вашей же пользы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ АВТОРА

5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОШЛОЕ

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СПРОСИ У ТРУНГОВ

425

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. КОРОЛИ ПЕПЛА

693

ЭПИЛОГ

943

БЛАГОДАРНОСТИ

954

ГЛАВА 1

«БЕСКРАЙНЕЕ» МОРЕ.

425 ГОД Г. Э. (ГАЛЬДРИЙСКОЙ ЭРЫ). ПРОШЛОЕ

Рока знал: вместе с солнцем вошла его смерть. Его кожа облезла и обгорела, высохла и потрескалась, расчерченная полосами крови. Его маленький корабль с квадратным парусом апатично болтался на воде уже седьмой день, и до самого горизонта не видно было ничего, кроме моря. Ветер — и даже птицы — покинули Року.

Сквозь палубу просачивалась вода. Рока с оцепенением вычерпывал ее с тех самых пор, как она стала прибывать. Во всяком случае, этим было занято его тело.

В своих мыслях он был далеко, и окружали его мертвецы — люди, убитые им и живущие теперь вместе с ним в особом месте, которое он называл своей Рощей. Эта Роща являла собою темный, дремучий лес, очень похожий на те, в которых он жил мальчиком, — тайный мир где-то между воображением и реальностью, где Рока мог укрыться от жестокостей и ужасов своей родины, Аскома, страны пепла.

По крайней мере, так было вначале. Теперь же его Рощу заполняли ходячие трупы — мужчины, женщины и дети, убитые Рокой и по-прежнему имеющие раны, которые он нанес им при жизни. Никто из них не говорил, хотя они молча вкалывали на разных работах и наблюдали за ним. Совсем как теперь. Их взгляды говорили: «Ты присоединишься к нам, убийца. Ты скоро присоединишься к нам».

Может, кабы вы помогли грести или вычерпывать воду, горько подумал он, *я бы не оказался в этой передрыге.*

Мертвые никогда не выглядели пристыженными. Они выглядели как стервятники, поджидающие рядом с могильником.

И может, кабы вы отстали от меня, добавил он, *я смог бы придумать выход из положения.*

Но на самом деле он знал: это неправда.

Мужчину, плывшего с ним, — предыдущего «капитана», похищенного Рокой, — он давно выбросил в море, чтоб сберечь воду. Он вовсе не хотел, чтобы тот умер, но делить с ним скудное питье означало бы смерть, равно как и пить растущую под ногами соленую лужу, или предпринять любую попытку уплыть или спастись на небольшом гребном плоту. На море было много штормов и столько же ночей, заполненных огромными волнами. Рока не пережил бы ни того, ни другого.

— По крайности, мы убили Кунлу, — пробормотало его тело растрескавшимися губами. Оно могло говорить само по себе, без участия разума, и иногда они расходились во мнениях и спорили, но не в этот раз.

Кунла — Верховная Жрица Юга, могущественная женщина из Гальдрийского ордена — много лет назад убила его отца, преследовала его мать и объявила вне закона его самого. Да, Рока убил ее. Но смерть не принесла ему покоя и не вернула его мать. Не положила конец печалям и жестокости мира, который ее создал.

— Я слишком устал вычерпывать, мы должны покинуть судно.

Его тело уронило ведро и поплелось к правому борту, чтобы отсоединить их «спасательный плот» — маленькую,

жалкую связку досок вместе с коробом вяленой свинины, обрывком каната, куском парусины для защиты от солнца и веслом. *Это нас не спасет*, подумал он, но не удосужился остановить свое тело.

— Мы продержимся немного дольше, — пробормотало оно самому себе.

Упрямое до конца, подумал он со вздохом, но на самом деле испытал восхищение. Рока уважал волю к жизни.

Дрожащими руками и ногами они столкнули плот в воду и, перебравшись через борт, упали сверху. Его тело спрятало немногочисленный скарб и себя само под парусину и закрепило все это веревкой.

— Мне надо отдохнуть, — сказала оно вслух, — а потом я отвезу нас туда, куда скажешь.

Некоторые из мертвых в его Роще теперь улыбались — ну, по крайней мере те, у кого не были повреждены челюсти.

Думаете, это смешно? Рока встал с мечом в руке и зарубил нескольких из них, а затем со злостью разбил их надгробия.

Он всегда думал, что свободная смерть была бы легче — если умереть на собственных условиях, по собственной воле. Но еще не время, слишком рано. Мир огромен и загадочен, а Рока знал так мало. *Что создает волны? Что такое солнце? Насколько велико море и что находится за ним?*

Теперь он обнаружил, что не желает умирать без этих ответов. Он нашел это оправдание столь же убедительным, как и обещание маленького мальчика своей матери, что он изменит мир и станет свободным.

Увижу ли я тебя снова когда-нибудь, Бэйла? И одобришь ли ты сделанное мной? Действительно ли суще-

ствуют боги и есть ли посмертная жизнь? Или когда я умру, мой раздутый труп станет кормом для рыб, а затем — ничего больше?

Пока его плот отплывал, вздымаясь и опадая на спокойных ныне волнах, Рока думал о матери. Он мог вспомнить все, что когда-либо видел или слышал, к чему прикасался, что обонял или пробовал на вкус. Поэтому закрыл глаза и вдохнул запах Бэйлы, услышал ее голос и дотронулся до ее волос. Он думал о ее уроках и проверочных вопросах, которые всегда выдерживал, обучаясь ставить силки на кроликов, находить воду и хворост и тому, как пересекать снега. Он вспомнил гениальность растений.

«Как они спят зимой, мама?» — спросил маленький Рока о траве и деревьях, жалея, что не может уснуть, как они, пока солнце не отогреет замерзшую равнину. — *И как они пьют, когда спят?»*

В своей Роще он подошел к огромной темной пещере, которая, как он надеялся, однажды привлечет медведя, но так и не дождался этого. Почему люди не знают зимней спячки, как растения и звери?

Было ли это от недостатка усердия, подумал он, как при пересечении моря?

Огибая скалы, он пробрался во мрак за расширенной пастью. Темнота никогда не мешала Роке, и он мог различать очертания стен и похожие на зубья стержни, прикрепленные к полу и потолку. В одном углу он нашел уютный, защищенный закуток, скрытый большим выступом нависающего камня, и устроился там.

Они почти мертвы, эти спящие. Рока задышал спокойнее. *Они пробуждаются серыми и худыми, изголодавшимися, в предвкушении охоты за едой.*

Рока больше не предавался сну подолгу, вынужденный сосредотачиваться на чем-то одном — либо играть с цифрами и символами, чтобы отвлечь свой ум. *Теперь ты будешь спать несколько дней или недель — пока я не велю тебе проснуться.*

Он чувствовал, как его тело сопротивляется, борется за контроль и страшится сна подобно смерти — как будто все акты расставания вели к какому-то плачевному итогу.

Смерть — это иллюзия, убеждал он.

— Для тебя, возможно, нет, — пробормотало оно.

Я разбужу тебя перед концом, несмотря ни на что. Я обещаю.

Он ощутил, как мышцы расслабляются. Вскоре дыхание, издаваемое его телом, вошло в унисон с дыханием в его Роце. И хотя подобное безумие не ускользнуло от его сознания, он это проигнорировал. Все всегда было безумством, пока не становилось правдой. *Если люди могут спать подобно медведям, то это сделаю именно я, Рока.*

Но даже если так, он знал: волны могли убить его. Небъятность моря могла выходить за пределы понимания любого смертного. Или могло не быть никакой другой суши. Или же мир и правда мог иметь форму кольца.

Он улыбнулся, потому что все это не играло роли. Больше он ничего не мог сделать. Он приказал своему телу дышать еще медленнее, стать холодным и тихим, неподвижным и спокойным. *Я не боюсь холода, мое тело — всего лишь плоть и кости.*

Одиноким, Рока беспомощно плыл под ярко-голубым небом среди ласковых волн. В его Роце темнота простерлась дальше из пещеры — обездвиживая мертвых и даже заставляя умолкнуть птиц. Тепло в воздухе унес ледяной

ветер, и в рай пришла зима. Фальшивое солнце склонилось и упало, небеса над лесом заволокла долгая ночь, и в этот момент Рока осознал: цель превосходила смерть. Цель была больше, чем он сам. И уж точно не нуждалась в его теле.

Но лучше убейте меня сейчас, для верности, подумал он, обращаясь к богам, если они существовали. *Потому что я не забыл ни вас, ни мое обещание. И я все равно приду за моей матерью и вашими детьми, в этой жизни или в следующей.*

* * *

Когда он открыл глаза, с него срывали парусину, а его плот вытаскивали на белый песок странные, почти голые смуглокожие люди. Чистое небо сияло и подрагивало, как воздух над костром, а солнце опаляло ему кожу. Его уши заполнились кудахтаньем и невнятной болтовней, и мужчины связали его руки и ноги веревкой.

«Я живой!» — хотел он прокричать, но его тело оставалось холодным и бессильным. Оно открыло глаза, чтобы Рока мог видеть, но еще толком не проснулось.

В этом беспомощном состоянии его пронесли по длинному, пустому, знойному пляжу. Эти странные маленькие человечки закинули Року в нечто вроде телеги и покатали по ухабистой дороге.

Это и есть страна богов?

Он мерил шагами свою Роцу и старательно вглядывался мутными глазами — вертел головой, рассматривая белых крабов, цветных мух и сотню неизвестных вещей. *Но скоро они будут мне известны,* просиял он и рассмеялся

над угрюмостью мертвецов, которые перестали глазеть и ушли заниматься своими делами.

Тепло воздуха придало Роке новых сил, хотя его легкие справлялись с трудом, и его тело дышало глубоко и учащенно. К тому времени, когда возок остановился и группа смуглокожих перетаскивала Року на тонкий кусок мягкой ткани, он уже мог двигаться.

Он сел, и человечки в испуге вздрогнули. Они залепетали, тыча пальцами и всполошившись, как дети, словно не знали, что делать. Их страх искривил губы Роки.

Если это боги или сыны богов, я съем свой плот.

Затем один из них ткнул копьём в направлении его лица, указывая на полотно и жестом приказывая Роке лечь.

— Воды, — сказала его тело потрескавшимися, кровоточащими губами.

Ладони толкнули его назад, и, ощутив слабость в конечностях, он решил не сопротивляться. *Не сейчас*, предостерег он свое тело. *Дай мне понаблюдать, узнать что к чему и раздобыть тебе еду и воду.*

Он заметил, что мужчины озираются по сторонам, как будто высматривая, кто мог за ними наблюдать, поэтому припрятал это знание подальше.

Кряхтя, они подняли его на простыне и отнесли в бирюзовый деревянный дом на холме, окруженный громадными деревьями с широкой, раскидистой листвой. Рока никогда не представлял таких пышущих здоровьем растений: казалось, при сжатии они будут источать воду и сок, словно дождь. *О, мама, если б только ты могла такое видеть!*

Он поручил нескольким мертвым пацанам расширить сад в его Роще, надеясь позже изучить все это более вни-

мательно. Возможно, для свободного пространства ему понадобится убрать больше деревьев, а в истинном мире столь разные растения боролись бы за солнечный свет и влагу и обменивались болезнями, так что, наверное, в своей Роще ему следует высаживать их отдельно.

Пока Рока мысленно работал, его затащили внутрь в какую-то комнату без окон и более тщательно связали его тело. Лишь сквозь металлические решетки на двери и стенах проникало немного света из других частей дома. Кровати не имелось — лишь циновка на полу, от которой несло потом. Прежде чем закрыть и запереть Року, ему оставили большое ведро, полное воды, и миску с белой едой вроде крупы. Ему пришлось опуститься на свои красные, опухшие колени и есть и пить без помощи рук, будто животное.

Крупа была почти безвкусной, а вода чистой, невероятно чистой, что вполне устроило Року. Он прикончил всё сразу, изредка прерываясь, чтобы вдохнуть и проглотить, не заботясь о потере достоинства, но стараясь не расплескивать.

Когда он сел прямо, то увидел обломанные ногти, присохшие к двери, и замер. Он заметил старые пятна крови на половицах под собой, затем насекомых типа муравьев, но крупнее, роящихся в углу над клочками, видимо, кожи.

Он услышал рыдания и взгляделся в полумрак за решеткой. Там было трое девушек — Рока не мог определить их возраст, но они казались юными, — и несмотря на их жалкий и запущенный вид, идеальная смуглая кожа делала их прекрасными. Гладкие, округлые черты лиц и темные локоны казались ему признаками красоты. Он ощутил, как его глаза весьма неподобающим образом блуждают по

